

ПСИХОЛОГИЯ И ГУМАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В XXI в.*

ГУМАНИСТИЧНОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

© 2000 г. А. В. Брушлинский

Член-корр. РАН, директор Института психологии РАН, Москва

Гуманистичность психологии человека обусловлена фундаментальными закономерностями его психики. Они обобщаются прежде всего принципом детерминизма, преодолевающим односторонности материализма (бытие определяет сознание) и идеализма (сознание, вообще психическое определяет бытие): не бытие и не психическое сами по себе детерминируют жизнь человека и вообще ход истории, а субъект, люди, находящиеся внутри бытия и обладающие психикой, сознательно и бессознательно творят историю в процессе своей деятельности. Они познают, преобразуют и т.д. реальную действительность, все полнее раскрывая и используя ее закономерности, стремясь выявить и преодолеть свои заблуждения. Психика нематериальна, она существует как важнейшее качество субъекта (отнюдь не чисто духовного). Душа, дух, духовное – это не над-психическое, а различные свойства и уровни психики. Гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью (не сводимой к религиозности).

Ключевые слова: субъект, психика, детерминизм, духовность, гуманизм.

Уходящий в историю XX век – наиболее динамичный и самый насыщенный величайшими событиями. Эпохальные научные открытия и технические достижения, гибель в результате войн и террора сотен миллионов людей, развитие демократии (в одних странах) и тоталитаризма (в других), сложнейшие взаимоотношения между так называемым “золотым миллиардом” и другими миллиардами людей, населяющих нашу планету, опасность глобальной экологической катастрофы, принятие Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г. Всеобщей Декларации прав человека, информационные войны и т.д. – вот лишь некоторые из многочисленных особенностей заканчивающегося столетия. Еще более событийным оно было для нашей страны: войны и революции, победа над гитлеровским фашизмом, распад Советского Союза, неоднократная и резкая смена власти, собственности, идеологии и т.д.

Конец и царской, и советской власти стал неизбежным из-за неспособности к самореформированию. Новейшая российская власть еще имеет шанс осуществить самореформирование. Оно – не самоцель, а средство решения насущных проблем в условиях сложнейшего и затянувшегося перехода всей страны к демократии и рыночной экономике. Для этого абсолютно необходимо изучать и активизировать формирование и самореформирование общественного и индивидуального сознания и бессознательного, настроений, вообще духовности разных слоев населения (духовность не сводится к религиозности).

Духовная, политическая, экономическая и т.д. ситуация в Российской Федерации по-прежнему остается весьма противоречивой и трудной. С одной стороны, свобода слова, совести и научного творчества, бурное развитие теневой экономики, малого бизнеса, финансового и торгового капитала, большое количество идей, предложений, сценариев и проектов по выходу России из затяжного кризиса... А с другой – спад крупной промышленности, бегство капитала за рубеж, конфликты между федеральным центром и регионами, слабость федеральной власти, отсутствие у нее четкой общей программы действий на перспективу, раскол и вместе с тем неструктурированность общества и всего населения в условиях его сильного социального расслоения на богатых и бедных и т.д., и т.п. У большинства населения нет уверенности в завтрашнем дне и доверия к общественным структурам и институтам власти.

Все это ставит под угрозу даже те немногие достижения демократии и гуманизма, которые мы на сегодня имеем в нашей многострадальной стране. Особенно показательно и тревожно, например, вышеупомянутое расслоение населения. А ведь денежные доходы самых бедных ($\approx 10\%$) по разным подсчетам в 10–20 раз меньше денежных доходов самых богатых ($\approx 10\%$). Уже только один этот, по-видимому, общепризнанный факт подрывает основы социальной справедливости, гуманизации и вообще демократизации нашего общества, еще не сумевшего преодолеть в теории и на практике многие пережитки и рецидивы тоталитаризма.

* Рубрика поддержана “Институтом Открытое общество. Фонд содействия” (грант НАД807).

Психология человека как раз и относится к числу тех наук, которые создают прочный научный фундамент для гуманизма. Рассмотрим подробнее этот весьма актуальный теперь вопрос.

Под *гуманизмом* (от лат. *humanus* – человеческий, человечный) обычно понимается прежде всего признание человека как личности высшей ценностью, его права на свободное развитие и проявление своих потребностей и способностей, утверждение блага человека как критерия оценки общественных отношений. Тогда *гуманность* означает именно любовь, внимание к человеку, людям, уважение личности, а *гуманитарный* – это обращенный к личности, к правам и интересам людей, каждого конкретного человека.

Постановка и изучение проблемы человека в их многообразных формах осуществляются одновременно в двух направлениях: и “сверху”, и “снизу”, т.е.: 1) общей методологией и философией, прежде всего философской антропологией [14, 17, 18]; 2) конкретными, частными науками (гуманитарно-общественными, естественными и техническими).

Первое из этих двух направлений призвано разработать методологические основы человекознания, для чего требуется, очевидно, позитивно преодолеть традиционные, недостаточно перспективные попытки построить новую научную систему во многом старыми методами комплексирования, синтеза, выявления обычных и необычных связей между очень и не очень разными науками и группами наук, изучающих человека. В числе последних особое место в данном контексте занимает психология, поскольку уже в самом предмете ее исследования природное и социальное онтологически (точнее, онтически) неразделимы, т.е. недизъюнктивны (здесь имеется в виду только психология людей, но не животных, хотя обе эти психологии неразрывно взаимосвязаны). Иначе говоря, на любом этапе развития психики человека природное и социальное неразделимы, едины: в ней нет ничего, что было бы только природным (а не социальным) или только социальным (но не природным) [3]. Это относится и к высшим уровням духовного развития личности (вопреки широко распространенной теперь точке зрения, отрицающей или умаляющей роль природного в данном случае). Например, неразрывная связь природных и духовных способностей убедительно раскрыта В.Д. Шадриковым [19].

Психика человека – всегда и 1) функция *мозга*, вообще организма и 2) неразрывная взаимосвязь с *внешним миром*, с окружающей действительностью, поскольку лишь в этой взаимосвязи возникает и формируется сам мозг, а вне его функционирования психика не существует (тем самым оно – функционирование – не является лишь изнутри детерминированным отпращиванием мозга). Как

известно, мозг – только орган (не источник) психической деятельности, человек – ее субъект.

Эта уникальная целостность природного и социального, составляющая сущность человека и его психики, возникла в ходе антропогенеза и социогенеза и развивается дальше в процессе истории человечества и жизненного пути каждой личности¹. Но то, что “удалось” создать антропогенезу и последующим генезам, пока лишь частично и с большим трудом удастся исследовать и раскрывать науке. Великая тайна столь уникальной целостности во многом остается еще неразгаданной. По уровню своей “креативности” наука по-прежнему как бы отстает от антропогенеза; “онтология” человека намного обгоняет гносеологию. И тем в большей степени вся эта исходная онтологическая сущность психики человека (на мой взгляд, все еще недостаточно учитываемая сторонниками тезиса об экстрацеребральности последней) закономерно определяет гносеологические, эпистемологические основания психологической науки.

Изучая психическую жизнь людей всегда в неразрывном единстве природного и социального, психология необходимо является важнейшим связующим звеном между основными тремя группами наук: общественно-гуманитарными, естественными и техническими (что неоднократно отмечалось Б.Г. Ананьевым, Б.М. Кедровым, Ж. Пиаже и др.). В своей онтологии, методологии, теории и практике реального исследования она содержит и раскрывает наиболее существенные типы целостности природного и социального и способы их системного изучения. Более всего это относится к общей психологии как единой основе всех ветвей психологической науки.

Целостность, единство и системность именно так понимаемой общей психологии обеспечиваются, следовательно, прежде всего ее онтологией. Онтологическим исходным основанием этой науки является ее объект – человек. Он объективно выступает (и изучается) в системе бесконечно многообразных противоречивых качеств. Важнейшее из них – быть субъектом, т.е. творцом своей истории, вершителем собственного жизненного пути. Проблема субъекта – комплексная, междисциплинарная: философская, социологическая, психологическая и т.д.

В самом полном и широком смысле слова субъект – это все человечество в целом, представляющее собой противоречивое системное единство субъектов иного уровня и масштаба: государств, наций, этносов, общественных классов

¹ Вместе с тем нельзя не отметить, что современная наука пока еще не дала убедительного ответа на объективно сложный вопрос о том, как возникли на Земле жизнь, психика (животных) и люди.

и групп, индивидов, взаимодействующих друг с другом.

Гуманистическая трактовка человека как субъекта противостоит пониманию его как пассивного существа, отвечающего на внешние воздействия (стимулы) лишь системой реакций, являющегося "винтиком" государственно-производственной машины, элементом производительных сил, продуктом (т.е. только объектом) развития общества. Такое антигуманистическое понимание человека, характерное для идеологии и практики тоталитаризма (в частности, для сталинизма и неосталинизма), до сих пор сохраняется – часто неосознанно – во многих (но не во всех) широко распространенных у нас теориях. Их позитивное преодоление – одна из задач, решение которой необходимо для дальнейшего исследования всей фундаментальной проблемы субъекта (индивидуального, группового и т.д.).

В психологической науке данная проблема наиболее глубоко разработана в трудах С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе, отчасти Б.Г. Ананьева и некоторых представителей гуманистической психологии. Столь актуальная проблема в новейшей психологии занимает все более значительное место (к сожалению, нередко становится даже модной).

Субъект – это человек, люди на высшем (для каждого из них) уровне активности, целостности (системности), автономности и т.д. Активность выступает здесь в форме изначально практической, затем также и теоретической, но в принципе *единой* деятельности людей, в форме общения, поведения (в нравственном, а не бихевиористском смысле), созерцания, психического как недизъюнктивного процесса, сознания и бессознательного и т.д. Целостность субъекта есть основание для системности, интегративности всех его психических качеств – очень разных, часто весьма противоречивых и т.д. Противоречивость, двойственность индивида как субъекта проявляется прежде всего в том, что он всегда неразрывно связан с другими людьми и вместе с тем автономен, независим, относительно обособлен. Не только общество влияет на человека, но и человек как член общества – на это последнее. Он – и объект таких влияний, и субъект, в той или иной степени воздействующий на общество. Здесь не односторонняя, а именно двусторонняя зависимость – с приоритетом личности по отношению к государству и обществу. Тем самым признается абсолютная ценность человека как личности с безусловными правами на свободу, на саморазвитие, с соответствующими обязанностями и т.д. (в нашей стране одна из главных таких обязанностей – максимально использовать свои права). Это – основа основ гуманизма, раскрываемая психологией и рядом других наук.

Итак, специфика психологии заключается в том, что по своему генезису она особенно близка к философии и находится как бы на перекрестке, а потому в центре всей системы наук, будучи одновременно гуманитарной и естественнонаучной дисциплиной.

Закономерности этой системы имеют следующее онтологическое основание: более *общие* законы лежащих "ниже", менее сложных сфер бытия сохраняют свою силу для всех лежащих "выше", более сложных областей; вместе с тем распространение общих закономерностей лежащих "ниже" областей на области более специальные не исключает, а, напротив, предполагает существование *специфических* законов у этих последних [13, с. 12]. В каждой сфере взаимодействия есть и общие, и специфические законы. Например, психическое подчиняется специфическим закономерностям (раскрываемым психологией) и в то же время на него целиком и полностью распространяются – вопреки дуализму – все закономерности "ниже" лежащих областей: физиологические, физико-химические и т.д. На основе такого монизма объективно определяется гуманистический статус психологии (по отношению к физиологии, биохимии, биофизике и т.д.) и ее участие в построении общей картины мира. И тогда ясно, что всегда взаимосвязанные в жизни человека психическое и физиологическое не рядоположны, поскольку между ними существует вышеуказанная иерархия, которая соответственно определяет и соотношение между гуманитарным и естественнонаучным в психологической науке. Тем самым создается исходное методологическое основание для решения психофизиологической проблемы.

Я разделяю и развиваю точку зрения авторов, которые считают, что психическое *нематериально*. Оно существует только как важнейшее качество *субъекта* (отнюдь не чисто духовного) и потому в разных системах связей выступает как идеальное, душевное, духовное и т.д. Субъектом является не психика человека, а человек, обладающий психикой. Этим определяются два значения термина "субъективное". Первое – принадлежащее человеку как субъекту. В таком смысле у людей все психическое объективно существует только как субъективное, субъектное, как качество индивида. Второе – неадекватное объекту познания и действия, предвзятое, одностороннее и т.д. (отсюда субъективизм, субъективистское и т.д.). Психологическая наука открывает *объективные* закономерности *субъективного* в обоих указанных смыслах.

К сожалению, среди некоторых представителей естествознания и техники все еще распространена точка зрения, согласно которой в принципе все субъективное (даже в первом смысле сло-

ва) есть враг науки и потому должно быть изгнано из нее. В этом состоит одно из проявлений технократизма и сциентизма, не совместимых с гуманизмом. Отсюда двойственное значение, например, в целом весьма актуальной проблемы искусственного интеллекта, разработка которой может очень сильно сблизить друг с другом психологию, биологию, информатику, математику и т.д. С одной стороны, эта проблематика помогает гуманизировать естествознание, технику и т.д., а вместе с тем математизировать и “технизировать” психологию. Но, с другой стороны, некоторые авторы полагают, что изучать объективные закономерности мышления можно только на “моделях” искусственного интеллекта, оторванных, отделенных от субъекта, ибо лишь элиминация последнего и вообще всего субъективного якобы позволяет раскрывать подлинно объективную сущность реальности. Иначе говоря, здесь объективное и субъективное полностью исключают друг друга. И наоборот, наиболее перспективная парадигма в психологической науке все более убедительно устраняет эту дихотомию, дизъюнктивность между объективным и субъективным. Это относится и к главной для любой науки проблеме детерминизма.

На протяжении последних шести-семи десятилетий у нас в философии, социологии, психологии и т.д. официально было закреплено господство марксовской материалистической идеи о том, что бытие детерминирует, определяет сознание. С.Л. Рубинштейн первым в СССР подверг эту идею справедливой критике (в 1959 г. в своей книге “Принципы и пути развития психологии”, переизданной сейчас в его одноименнике [13, с. 340]). При этом он раскрыл и беспорные достижения марксовской философии в разработке проблемы деятельности (ясно, что марксова философия может принципиально отличаться от марксистской).

Вместе с тем издавна и до сих пор во всем мире на гуманитарно-общественные науки существенное влияние оказывает и альтернативная К. Марксу идеалистическая идея о том, что сознание, вообще психическое, определяет бытие, всю социально-экономическую реальность. Например, Серж Московичи [9] очень детально анализирует эту альтернативу, отчасти критикуя и в то же время частично развивая ее дальше. Согласно его общему выводу, неразрывность в человеческом обществе психического и социального, по крайней мере в ряде случаев, более конкретно означает, что первое (верования, страсти и т.д.) лежит в основе второго, а потому психология (прежде всего социальная) находится в основании социологии.

По отношению к обеим указанным крайностям есть наиболее перспективный, как бы “третий путь” (не золотая середина!) в решении столь

фундаментальной общей проблемы детерминизма. Это субъектно-деятельностная теория, разработанная С.Л. Рубинштейном, его учениками и последователями. Для данной теории не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю. В процессе своей деятельности, общения, созерцания и т.д. люди все глубже познают, преобразуют, развивают, переживают и т.д. реальную действительность (природу, общество, самих себя), все полнее и адекватнее раскрывая и используя ее объективные закономерности, стремясь выявить и преодолеть свои ошибки и заблуждения. В меру этого они сознательно и бессознательно, рационально и интуитивно прокладывают свой жизненный путь. Детерминизм не есть предопределенность, детерминация – это процесс, т.е. она не дана изначально в готовом виде, а, напротив, формируется субъектом как самоопределение в ходе деятельности, поведения и т.д. А потому – вопреки издавна и до сих пор широко распространенной точке зрения – детерминизм человеческой активности не исключает, а предполагает свободу. Решающую роль играет здесь творчество; оно осуществляется только субъектом, т.е. людьми (а не животными, не машинами, не Богом и т.д.), поскольку в истории объективные закономерности формируются и действуют “через” людей, в их политической воле, поступках, делах и т.д. Раскрепощение и дальнейшее развитие такой политической воли – одно из важнейших условий реформирования России на рубеже XX и XXI веков. В настоящей краткой статье я могу лишь эскизно представить эту, на мой взгляд, наиболее перспективную позицию по решающе важному вопросу о детерминизме (подробнее см. прежде всего [1–4, 10, 12–14]). Данная позиция отчасти опирается также на другие варианты теории деятельности, разработанные А.Н. Леонтьевым, Б.М. Тепловым, А.А. Смирновым и др., на философскую и психологическую антропологию [7, 11, 16–18], но не на теологию.

Такое уточнение принципа детерминизма означает, в частности, строго определенное понимание деятельности. Как уже кратко отмечалось выше, субъектно-деятельностная концепция обосновывает неправомочность расщепления деятельности субъекта на практическую (прежде всего трудовую) и теоретическую (прежде всего познавательную). Имеется в виду, что на определенных этапах исторического и индивидуального развития людей из простейшей, первоначально единой практической деятельности выделяется в качестве особой теоретической деятельности. Но она не обособляется в некую самостоятельную активность, поскольку ее продукты в конечном счете снова входят в состав исходной практической деятельности, поднимая ее на более высокий уровень. Это и есть *единая* деятельность индиви-

дуального и группового субъекта. Тем самым исключается ее разрыв, раскол и т.д. на практику и теорию, на изолированные друг от друга практическую и теоретическую деятельности. Однако издавна и до сих пор сохраняется обособление практики от теории. Например, в советский период официальные идеологи постоянно третировали истинных ученых, демагогически обвиняя их в отрыве созданных ими якобы схоластических теорий от передовой практики социалистического и коммунистического строительства (именно на этом сделали карьеру Т.Д. Лысенко и многие другие губители науки).

Впрочем, гибельное для деятельности обособление теории от практики обычно объяснялось тогда известным положением К. Маркса из его “Тезисов о Фейербахе”: “Вопрос о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, – вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос” [8, с. 261]. При таком разрыве между теорией и практикой сторонники последней, на мой взгляд, в принципе никогда не смогут понять, *что* же именно эта практика подтверждает или, наоборот, опровергает. Ведь чтобы понять хотя бы это, должна существовать неразрывная взаимосвязь той и другой в составе единой деятельности. Приведу простой пример: в процессе современного реформирования России остаются совершенно неясными те его результаты, которые получены и интерпретированы вне соответствующей научной теории. А что касается процитированного весьма одностороннего тезиса совсем еще молодого Маркса, то достаточно лишь напомнить тщательно разработанную логику его 4-томного “Капитала”, и тогда сразу становится ясно, насколько далеко автор ушел вперед от своего прежнего неверного понимания практики.

Практика, отделенная от теории, не является деятельностью (как и теория, оторванная от практики). Тем не менее по-прежнему сильны надежды на то, что лишь “сама практика” подведет нас к решению новейших экономических и других проблем реформируемой России. Такие надежды до сих пор характерны для некоторых наших высокопоставленных политиков. В этом проявляются очень сложные взаимоотношения между властью и наукой.

На основании всего сказанного уже достаточно ясно, почему неправомерно расщеплять деятельность субъекта на практику и теорию, оторванные друг от друга. По той же причине я не могу согласиться по данному вопросу с моим оппонентом М.Н. Руткевичем, когда он делает и развивает следующий вывод из “Тезисов о Фейербахе” Маркса: “*Практика* вообще суть синоним *деятельности*” [15]. Для меня проблема решается иначе: практика не тождественна деятельности.

Деятельность невозможна без субъекта, и именно субъект (индивидуальный, групповой и т.д.) закономерно интегрирует в единую систему все виды своей активности.

При таком подходе к субъекту становится также ясно, что создаваемые им и изучающие его науки не могут раскалываться на две группы, например, на науки о природе и науки о духе (что связано еще с неокантианским противопоставлением естественнонаучного и культурно-исторического познания), на объясняющую и понимающую психологию и т.д. Особо надо еще раз подчеркнуть, что дух, душа, духовное, душевное и т.д. – это не над-психическое, а различные качества *психического* как важнейшего атрибута *субъекта*. Гуманистичность психологии неразрывно связана с духовностью, с духовной деятельностью человека, изучаемой философами, психологами и т.д.

Таким образом, психология (не психологизм!) как главная из наук о человеке уже по самому предмету исследования и ведущим тенденциям развития призвана быть в авангарде гуманизма и все более глубоко разрабатывать его проблематику. Поэтому вслед за философией она может и должна способствовать созданию основы для гуманизации, субъективизации всей системы наук, а также образования и самообразования. Все более направленная на проблематику субъекта (личности и т.д.), психологическая наука призвана помогать воспитанию не просто профессионала, а *личности* профессионала (см., например, [6]), его лучших психических свойств и качеств – духовности, мотивации, способностей, рефлексии и т.д. Когда сама эта наука выступает как единая система, а не как конгломерат лишь внешне связанных друг с другом глав и параграфов учебников, когда она органично вписывается в общую единую картину мира, тогда она подводит прочный фундамент духовности под развитие и преподавание всех научных дисциплин и даже наук о неживой природе. На этом пути преодолеваются технократизм и сциентизм, в частности фельдшеризм, который справедливо критиковал еще Л.С. Выготский, имея в виду отрыв от научного мышления “технической исполнительской функции исследования, главным образом обслуживания аппаратов по известному шаблону” [5, с. 366]. И самое основное состоит в том, что именно на этом пути гуманизм сможет одолеть до сих пор еще весьма значительные рецидивы тоталитаристской идеологии. Тоталитаристская “элита” видит во всех остальных людях лишь объекты мощного давления, манипулирования со стороны общества и особенно государства. Противостоять тоталитаризму могут прежде всего теория и практика подлинного реформирования нашей страны (в частности, гуманизация всей системы образования, включающая реальную жизнь учителей и учащихся). Это, конечно, во многом идеал или, по

крайней мере, отдаленная цель. Но даже долгий путь начинается с первого шага.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
2. Абульханова К.А. Психология и сознание личности. М.-Воронеж, 1999.
3. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
4. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.-Воронеж, 1996.
5. Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1.
6. Климов Е.А. Психология профессионала. М.-Воронеж, 1996.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 42.
9. Московичи С. Машина, творящая богов. М., 1998.
10. Психологическая наука в России XX столетия. М., 1997.
11. Психология с человеческим лицом / Под ред. Д.А. Леонтьева и В.Г. Шур. М., 1998.
12. Российский менталитет / Под ред. К.А. Абульхановой и др. М., 1997.
13. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997.
14. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М., 1997.
15. Руткевич М.Н. Принцип деятельности и юбилейная пена // Независимая газета. НГ-Наука, № 8. 1999. 15 сентября. (Полемика со статьей А.В. Брушлинского "Андеграунд диамата" в "Независимой газете" от 16 июня 1999 г. НГ-Наука, № 6.)
16. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. М., 1995.
17. Степин В.С. Философская антропология и история науки. М., 1992.
18. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме. М., 1989.
19. Шадриков В.Д. Духовные способности. М., 1998.

THE HUMANITY OF PSYCHOLOGY

A. V. Brushlinsky

Corr. member of RAS, director of IP RAS

The humanity of a man psychology is determined with fundamental lawfulness of a man psyche. They are generalized by the principle of determinism which gets over one-side materialism (being determines consciousness) and idealism (consciousness, the mental determines being): not a being and not mental as such determine the life of a man and history at all but the subject, the people including into being and possessing psyche and creating the history, consciously or unconsciously, during their activity (the term "activity" in the sense of German "Tätigkeit"). They get to know, transformate the reality and so on, reveal its lawfulness and use them more deeply to discover and to get over their fallacy. The psyche is not material, it exists like the most important quality of the subject which is not only spiritual one. The soul, the spirit, the spirituality are the different levels of the psyche but not a supermental essences. The humanity of psychology is indissolubly connected with spirituality which is unreduced to religiousness.

Key words: subject, psyche, determinism, spirituality, humanism.